

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

НЕЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ

КОГДА НАВОДКА
ТОЧНЕЕ ОСТРОГО
НОЖА

Валерий Георгиевич Шарапов
Неживой свидетель
Серия «Время острых ножей.
Послевоенный детектив-амнистия»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74438151
ISBN 978-5-04-253260-3

Аннотация

При ограблении промышленного склада убит сторож Иван Нефедов. Оперативники предполагают, что нападение совершили подростки, подражающие вышедшим по амнистии уголовникам. Решили развлечься, но, как на грех, наткнулись на сторожа... Однако майора МУРа Олега Бурцева смущают два странных обстоятельства. Первое: сразу после убийства был замечен грузовой автомобиль с поддельными номерами, который мчался с нарушением правил в районе происшествия. И второе: ограбление было совершено за день до отправки на переплавку большой партии складского металлолома. В течение следующих двух недель происходят еще три ограбления складов с похожим почерком. Теперь майор Бурцев уверен, что имеет дело с опытными бандитами, тщательно планирующими свои преступления...

От городских улиц – к архивам, от квартир жертв – к лесным засадам. Трудовые будни советских сыщиков усложнила недавно объявленная амнистия, по которой из заключения на свободу вышли тысячи человек, умеющих только грабить и убивать...

Герои книги – усталые и рассудительные профессионалы-сыщики. Фронтовики, несущие груз личной трагедии и служебного долга. Такими мы их знаем по мемуарам и фильмам, популярным среди поклонников детективного жанра.

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Шарапов

Неживой свидетель

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Глава 1

Н апротив майора Олега Бурцева сидел щупленький, невысокий человечек с толстым носом картошкой и толстыми губами, нелепыми для субъекта столь тщедушной комплекции и словно позаимствованными у кого-то другого. Может, и впрямь стащил нос с ушами у какого-то здоровенного, упитанного мясника? А что, скажи кто-нибудь Олегу Васильевичу, что подозреваемый способен украсть чужое лицо и нацепить на себя, – не удивился бы ни на секундочку. Потому что Генка Демьянов был прирожденным вором и воровал всю свою жизнь, видимо, с тех самых пор, как ходить научился. Ему еще и тридцати нет, да и работал он по мелочовке, но уже пользовался некоторой известностью в криминальном мире, заполучив кличку Пятиалтынный.

Брали Генку трижды, сейчас вот четвертый раз посещает он Петровку, 38. Ведет себя уверенно, с легкой фамильярностью – на правах старого знакомца. Но при этом границ не переходит, говорит без вызова и бравлады. Создается в содеянном как на духу, не юлит. Умен и ловок Пятиалтынный. Живет по принципу «не пойман – не вор». Если же поймали и прижали доказательствами, не отнекивается, на невинности не настаивает, излагает все обстоятельства кражи. Как-то раз совсем пустяковый случай был. В МУРе знали, что кража, но доказать могли лишь мелкое хулиганство; но

Генка сразу пошел на сотрудничество с угрозой.

Причина не в особой порядочности этого хитрого, вертлявого и суетного человечка, как можно подумать. Причина иная. Всякий раз рецидивиста брали на сущих пустяках, поэтому серьезного срока впаять не получалось. Ради того и казнили Демьянов, что боялся: начнет отпираться – опера примется глубже копать, разнюхают про другие его грешки, и по совокупности преступлений срок выйдет приличный. Ясен день, чем пятерку схлопотать, лучше загреметь на полгодика-год, а то и вовсе принудительными работами отделаться.

Вот и на этот раз повязали Пятиалтынного за кражу – смешно сказать! – двух баночек с белилами.

– Что скажете, Геннадий Семенович? Свидетель колеблется, тут вы правы. Зато лаборатория наша запросто докажет, что краску именно вы взяли. Белые пятнышки на вашей куртке полностью совпадут по химическому составу с похищенными белилами.

– Наука! – уважительно протянул Генка, покачивая головой.

– Наука, как вы верно заметили, – согласился майор Бурцев.

– Ваша наука, поди, по куче навоза на улице кобылу отыскать поможет, чтоб за решетку отправить, а? – рискнул слегка пошутить вор.

– Кобыл не сажаем, только извозчиков, – поддержал шутку майор.

Пятиалтынный невесело усмехнулся, затем сникшим голосом спросил:

– Что ж получается, гражданин начальник? Четвертый раз меня берете. Выходит, не мое это, в смысле, воровать? Завязать бы мне, что скажете?

До чего же искренне и проникновенно говорит, не произнеся ни единого слова правды! Талантище! Бурцев был готов аплодировать стоя, но ерничать не стал. Сделал серьезное лицо и без намека на сарказм предложил:

– Идея превосходная, Геннадий Семенович. Завязывайте, вот и нам работы поменьше будет.

Не меняя надломленного голоса, Пятиалтынный ударился в знакомое майору покаяние:

– Сам не знаю, что на меня нашло. Руки не слушались, ровно не мои были в тот момент. Прямо-таки потянулись и взяли. Наваждение какое-то и помутнение рассудка. Не хотел стащить, а стащил я эту проклятую краску. Все было как вы рассказали, словно подглядывали за мной.

Кража произошла позавчера, в понедельник, седьмого сентября 1953 года, из магазина лакокрасочных товаров. Продавец обнаружил пропажу двух полулитровых банок. Никто ничего не видел, только некая особо бдительная бабка описала приметы подозрительного, по ее словам, молодчика, который крутился около магазина. Показаниям старушек майор доверял редко. Наблюдательность бабушек избирательна, вдобавок подозрительными они считают совер-

шенно не того, кого надо, чаще всего тыкая пальцем в порядочных людей, а отпетых плутов и проходимцев не видя в упор. Однако на сей раз приметы по описанию полностью совпали с небезызвестным в столице шалапутом Генкой Демьяновым, отчего угрозыск выдал ориентировку на Пятиалтынного, и в течение следующего дня шли поиски рецидивиста.

К поискам подключили в том числе опергруппу Бурцева, хоть он из отдела по раскрытию убийств в четвертом отделении МУРа. Но отдел краж и грабежей был завален работой по уши, а вот новых убийств в течение последних двух недель в Москве не было, так что начальство посчитало полезным задействовать относительно свободную команду. Ситуация штатная, а неприкосновенным в МУРе был лишь отдел по особо тяжким преступлениям.

Задержание Демьянова проблем не доставило. В общежитии, где он проживал, его не оказалось. Тогда оперативники отправились проверять несколько адресов, по которым обычно видели Пятиалтынного, и группе Бурцева повезло.

– Куда ворованные белила дели? – продолжал допрос майор.

– На базаре продал.

– Кому?

– Бабе одной да мужичку какому-то. Внешности не запомнил, не обессудьте. Не приглядывался как-то.

– И что же, они ничего не заподозрили, вопросов не зада-

вали?

– Да какие могут быть вопросы на базаре-то?! Хотя вру... – Он завел глаза под лоб, припоминая события. – Мужичок один, деловитый такой, был. Спросил, от магазина я торгую или напрямую со склада. Я ему соврал, что личные запасы распродают. Дескать, после ремонта лишняя краска осталась. Он мои слова проглотил, других вопросов не задавал, рассчитался да потопал себе.

Сейчас Генка не обманывал, в игры не играл. Его показания неизменно верны. Что знает и помнит, сообщит без утайки. Хотя бы в этом Демьянов проявлял здравомыслие, отчего работать с ним было приятно. До некоторой степени Пятиалтынный даже нравился майору Бурцеву. Впрочем, Олег Васильевич руководствовался правилом «доверяй, но проверяй», поэтому не торопился сворачивать допрос и выводывал дальнейшие подробности.

– Много выручили? – спросил он.

При обыске в комнате и в личных вещах Демьянова была обнаружена смехотворная сумма – рубль одной купюрой и восемьдесят пять копеек мелочью. Больших денег Генка никогда в карманах не держал, о кубышке и вовсе слыхом не слыхивал, объясняя это неумением экономить. «Не бережливый я, монету сразу спускаю», – по заведенной традиции сетовал Пятиалтынный. Так что невеликие «накопления» Бурцева нисколько не удивили. Настораживало кое-что другое – количество мелочи. Одна банка белил стоила в ма-

газине девяносто копеек – вряд ли с рук ее продашь намного дороже. Взяли вора под белы ручки непосредственно в день продажи краски, то есть оперативники должны были найти у него выручку – рубль восемьдесят, причем мелочью, без банкнот, поскольку покупателей было двое. Откуда же в вещах Демьянова образовались 1 рубль 85 копеек?

Казалось бы, загадка выеденного яйца не стоит, явно не тянет на финансовую махинацию. Мало ли чего продавал и покупал Демьянов до и после «сделки» с крадеными белилами. Вроде бы и нечего муровцу на подобную чепуху внимание обращать и время тратить, но странность чем-то зацепила Бурцева.

– По восемьдесят пять каждую сбыл, – сказал Демьянов. – На ситчик копил. С девчонкой хорошенькой познакомился, думал приударить за ней, и захотелось отрез за семь рубчиков подарить. Девицы на такие штучки падки. Да не устоял я, сегодня почти все на пивко спустил. Копить – это не мое, – развел он руками.

Вроде бы странность получила логическое объяснение, дебет сошелся с кредитом. К слову сказать, когда Пятиалтынного отыскивали на квартире приятеля, от Генки исходило специфическое амбре, а на столе и под столом, за которым «заседали» дружки, стояли нестройные ряды пивных бутылок. Выходит, версия подтверждается.

– Эх, Демьянов, Демьянов! Приударить он хотел, видите ли, – недовольно произнес майор. – В ваши годы мужики

уже семьями обзаводятся, детей в школу отправляют, а у вас жизнь вон какая нескладная. Ни отношений с женщиной нет нормальных, ни работы. За ум взяться пора.

Бурцев не принадлежал к числу тех, кто умел говорить красиво и вдохновенно. И хотелось бы иной раз произнести пылкую речь, чтобы наставить уголовника на путь правильный, что называется, да природа не вложила в натуру скупого на слова майора такого дара. Но сейчас что-то в голове Олега Васильевича щелкнуло, и изо рта вырвались нетипичные увещевания:

– Слышь, Геннадий Семенович, не податься ли тебе в речники? Работа честная, достойная, уважаемая. И женщинам матросики нравятся. Будешь свою барышню по Москве-реке катать, так и ситчик не понадобится.

Майор был доволен собой. Обычно он или вовсе обходился без нотаций, или не терпящим возражений тоном указывал: «Толай на завод работать, тунеядец!» Зря, пожалуй. В преступном мире слово «завод» вызывает стойкое отторжение, заводские работяги считаются среди воря людьми третьего сорта. А тут почему-то решился на пламенное выступление. Видимо, откровенность вора побудила майора отнестись к преступнику с участием. Понял он, что если берешься агитировать за честный труд, так уж предлагай профессии рангом повыше. Скажем, крановщика, геолога или тех же речников.

Быть может, повлиял отчасти и собственный выбор Олега

Васильевича. Он-то хоть и из семьи заводских рабочих, коренных москвичей, но по стопам родителей не пошел, вместо этого работал на разных стройках, пока волею судеб в 1935-м не оказался в НКВД, где начинал практикантом-дактилоскопистом, а оттуда попал в угрозыск.

В глазах Генки блеснула и тотчас потухла искорка. Губы расплылись было в широкой улыбке, однако она быстро сузилась, и в ней скользнуло нечто гаденькое. Надо же, подействовало, зацепило его на какую-то секунду. Но одними убеждениями не сломать, не переделать вора. Сросся Демьянов со своей воровской долей, не хочет и не видит иной судьбы. Менять жизнь для него сродни пытке, все равно что шкуру сдирать заживо, потому как именно в шкуру глубоко-глубоко вросли уголовные повадки. Смолоду такого в матросы надо было направить, тогда бы он загорелся идеей, пожелал другой путь. А сейчас, когда лет под тридцать, человека уже не изменишь. Перевоспитание – процесс безумно долгий и сложный, одного разговора в отделении уголовного розыска недостаточно.

* * *

Поработать с Демьяновым не дали, начальство вызвало. Пришлось перепоручить Пятиалтынного помощнику – старшему лейтенанту Жегунову, чтобы записал признание и завершил процедуру оформления. Сам же Бурцев уже через

пять минут стоял в кабинете генерал-лейтенанта Жемчужного, начальника оперативного отдела по раскрытию убийств.

К Жемчужному все в отделе испытывали глубокое уважение. Впечатлял трудовой путь этого человека. Иван Семенович родился в семье шахтера на Ольго-Воровском руднике, что в Луганской области, которая в ту дооктябрьскую пору называлась Екатеринославской губернией. С юных лет работал на руднике – сначала откатчиком, затем молотобойцем, пока в 1920 году, девятнадцати лет от роду, не вступил добровольцем в Красную Армию. Когда белых разбили, думал вернуться на шахту, но задержался на службе, а в 1924 году его направили в Луганскую окружную милицию. Здесь он дослужился до поста начальника отделения, после чего, в году где-то 1939-м, был переведен в МУР.

Знатная биография, чего и говорить. Трудно возражать такому человеку, да и не хочется с ним спорить. А спорить приходилось. Группе Бурцева вновь поручали нелепое дело. Нельзя же так, по справедливости надо!

Что значит «по справедливости»? Это когда дела по степени важности распределяются между группами одинаково, то есть каждая получает примерно равное число дел важных и незначительных. Кража двух банок краски, например, – пустячок. Кража грузовика краски – большая, настоящая работа. Если же какой-то одной группе сваливают вот такие «детские забавы», а серьезные задания поручают другим, то это нечестно. Во-первых, таланты оперативников не раскры-

ваются и чахнут втуне. Во-вторых, не видать оперативникам в перспективе ни званий, ни элементарной благодарности.

Совершенная Демьяновым кража – это третье по счету смехотворное дельце у группы Олега Васильевича. Перед Генкой Пятиалтынным был Виктор Львов, горький пьяница, в криминальной среде известный под недвусмысленным погонялом Тютя-Витютя – сразу ясно, какого пошиба человек и чем промышляет. До Львова была птица высокого полета – опытный щипач Федор Зубков. Мастер – золотые руки, взять такого по-своему почетно, однако возвращенный владельце кошелек не давал масштаба, которым должен заниматься отдел убийств.

Кажется, все дела, которые выеденного яйца не стоят, начальство собирается повесить на команду Бурцева. Досадно...

– Иван Семенович, нам бы чего-нибудь посложнее, поинтереснее! – с легким нажимом клянчил Олег. – Ребята мои наконец затухли на мелочевке.

– Какая тебе, бисов сын, мелочевка? – рассердился генерал. – Человека убили!

– Понимаю, большая беда. Так ведь сами же говорите, что убийство случайное, даже кражи не произошло. Сопляки какие-то хулиганили и ненароком деда пырнули. Блатнякам подражать хотели паршивцы. Пусть другая группа их ищет.

Генерал собирался поручить команде Бурова расследовать убийство старого сторожа Ивана Пафнутьевича Нефе-

дова, погибшего при попытке ограбления склада «Стальбаза» в Пятом Летнем переулке. Со склада ничего не пропало по той простой причине, что ничего ценного и не имелось – там хранился металлолом. Собирали лом с нескольких объектов, затем везли на переплавку.

Опытный уголовник не польстился бы на кучу ржавых железяк и уж тем более не пошел бы на убийство ради такогохлама. Наверняка действовали малолетние хулиганы, которых пленила воровская «романтика». Полным-полно сейчас тех, кто в дань моде «из напильников сделал ножи». Десять лет назад их старшие братья и сестры у станков реками пота обливались, а эти юные бездельники ищут острых ощущений. Ради куража взломали двери на склад – и ноги в руки: больше там делать нечего. Доказали себе, что могут напакостничать. Но, как на грех, пареньки наткнулись на сторожа и из-за страха быть задержанными пырнули старика ножом. Наверняка непредумышленно, просто желая попугать. Бурцев в этом убежден, генерал в этом убежден. Любого в МУРе спроси – согласится.

Теперь перепуганные юнцы притихнут и вряд ли попробуют повторить свою выходку. Сомнительно, что кто-то из них сознается. Пожалуй, они в таком состоянии, что считают, будто дед выжил. Майор с подобным поведением сталкивался. Совершив убийство, неопытный преступник так испуган своим деянием, что отказывается верить в смерть жертвы, внушает себе, что убитый всего лишь ранен и непре-

менно выкарабкается. На искажение воспоминаний влияет и то, что разглядывать смертельно раненного обычно некогда, преступник опрометью убегает от того, кого пырнул ножом.

Кто-то, возможно, вздохнет спокойно, если сказать ему, что эти парни после пережитого баловать не станут, будут вести себя тише воды ниже травы. Сотрудники МУРа к числу «вздыхнувших» никаким боком не относятся. Напротив, для угрозыска это означает появление «глухаря» – дела, которое никогда не раскрыть.

Что имеем в сухом остатке? Кражи не было, лишь хулиганство, повлекшее смерть по неосторожности. Виновных установить вряд ли удастся. Не дело, а недоразумение какое-то! За группой Бурцева закрепится репутация тех, кому можно спихнуть самую неприглядную работенку. Его ребятки год в таком режиме поработают, и больше им никто нормального расследования уже не доверит. Скажут, мол, вам только банки с краской искать.

С какими глазами прикажете к своей команде возвращаться? Они и так попеняли Бурцеву: «А если у карапуза в детсаду пуговица на штанах оторвется, тоже нас позовут?»

Оттого и крутился Олег Васильевич перед генералом. То с одного боку подойдет, то с другого, какие только аргументы не приводил! Намекал, что группа Зубашенко чересчур часто получает хорошие дела, пора бы изменить баланс. Нет, упорствовал Жемчужный, хоть кол на голове теши. По-своему он прав: убийство есть убийство, пусть и в силу неле-

пой случайности. И попытки майора отвертеться выглядят некрасиво, недостойно. Другой бы начальник на месте Жемчужного давно отчитал Бурцева как следует, и поделом. А Иван Семенович сдержался, обошелся без распеканий, лишь укорил слегка, потому что Олег Васильевич в отделе на хорошем счету.

В конце концов майор сдался и сокрушенно махнул рукой. Придется взяться за «глухарь», авось чего-нибудь удастся накопать.

Бурцев уповал на свидетелей, так как Пятый Летний переулок, если память майору не изменяла, – место людное, оживленное, здесь все окрест застроено и постоянно снуют машины. Одним словом, кругом «глаза». Определенно, кто-то что-то видел. Несомненно, люди обратили бы внимание на сторожа, который кричал на юнцов. Даже странно, что момент убийства прошел незамеченным, хотя Бурцева это несильно удивляло. Майор давно заприметил, что преступление рождается не только из чьей-то злой воли, но также из стечения обстоятельств. События и окружающая обстановка складываются таким образом, что возникает особенный момент, который провоцирует человека на совершение противоправных действий.

Так случилось и в Пятом Летнем вчера, во вторник, восьмого сентября. Ясно, что ребята принялись взламывать двери «Стальбазы» в тот момент, когда переулок на пару минут опустел.

Иллюзии майора развеял сержант Дима Варов. Парню всего-то двадцать три, причем он не москвич, приехал сюда не так давно, а родился и вырос в Брянске, однако непостижимым образом столицу знал как свои пять пальцев. Видимо, причина в том, что после службы в армии его, едва он пошел служить в милицию, направили в четвертое отделение мотоциклистом и он два года колесил по городу. Бурцев желал заполучить Варова в свою команду водителем и уже подал наверх необходимые бумаги, которые должны вот-вот утвердить, где-то в начале октября. Впрочем, Дмитрий уже сейчас, не дожидаясь официального решения, работал с опергруппой Бурцева, можно сказать, сросся с ней.

На летучке, пока опергруппа изучала материалы нового дела, Димка, блестящий знаток московской карты, с ходу разочаровал майора:

– Вы, Олег Васильевич, Пятый Летний с Пятым проездом перепутали.

И точно, прав он! Это в Пятом проезде повсюду люди да машины. А что же тогда у нас в Пятом Летнем переулке? Бывал ли там майор вообще когда-либо? Москва – громаднейший город, недаром Грибоедов писал про «дистанции огромного размера». Даже за годы работы в угрозыске топографию столицы не изучить, всегда найдется какой-то закоулочек, в который ты не заглядывал, хоть и проходил или проезжал мимо. Бурцев напрягал память. Нет, вспомнить злосчастный переулок не удавалось. Хорошо то, что Димка его знает.

– Что ж, паря, готовься! Повезешь нас туда, – сказал ему Олег.

По завершении летучки группа выехала на место.

Переулок произвел удручающее впечатление, похоронив надежды Бурцева отыскать свидетелей. Пятый Летний – полная противоположность Пятому проезду, прямо-таки безлюдный пустырь. Склад находился на «островке», с одной стороны которого простиралась широкая автострада, отделявшая строение от трамвайного депо, обнесенного высоким забором из красного кирпича, с другой стороны раскинулись посадки. Ни души вокруг... Лишь далее, где переулок огибал депо, виднелось несколько пятиэтажек, но их жильцы, естественно, ничего не могли видеть и слышать, если только не следили за складом из окон, вооружившись телескопами.

Сама «Стальбаза» представляла собой убогое деревянное строение, низенькое, но широкое. Вход затворяли две большие двери, когда-то покрашенные темно-зеленой краской, от которой, ныне полностью облупившейся, остались воспоминания в виде единичных узких неровных полосок, совершенно поблекших.

Труп сторожа был обнаружен прохожим не у дверей, а за углом склада. Надо полагать, сторож отошел покурить. Или нет?

Тогда-то Бурцев и столкнулся с загадкой «номер один». «Ой, хватит уже фантазировать! – увещевал сам себя май-

ор. — Хочется тебе, чтобы дело оказалось сложным и запутанным. Хочется, чтобы авторитет твоей команды подрос. Вот и сочиняешь интригу на ровном месте, придумываешь тайны мадридского двора. Прекрати эти безобразия немедленно да принимайся за работу!»

Но неувязки буквально бросались в глаза, и отбросить их в сторону не получалось...

* * *

Милиция обследовала это место вчера, в день обнаружения тела. Труп, прежде чем на него наткнулся прохожий, пролежал недолго — часа три, по предварительному заключению судмедэксперта. Стало быть, когда прибыла милиция, улики по большей части сохранились, не пострадали. Благо началась вторая неделя сентября, со дня на день наступит бабье лето, отчего дождя в тот день не было. Дождей вообще пока было мало, только второго и третьего поморосило слегка. С одной стороны, это хорошо: улики и следы не смыло и не повредило водой. С другой стороны, есть один весомый минус — на улицах до обидного мало грязи, отчего и следов мало. Милиция обнаружила парочку отпечатков дедовых сапог и фрагмент отпечатка покрышки от большой, тяжелой машины — определенно, грузовика.

Команде Бурцева предстояло провести повторный осмотр места преступления. Не сказать чтобы оперативники не до-

веряли коллегам, просто требовалось все увидеть собственными глазами. Фотографии и отчеты не дают полной картины, а порой даже искажают ее. Кроме того, некоторые особенности местности и обнаруженные предметы, которые не войдут в отчет в качестве улик, способны сообщить дополнительную информацию об обстоятельствах происшествия. Вот почему хороший оперативник не полагается на чужие бумажки с картинками, ему важно самому видеть и осязать, а порой и обонять, если уж на то пошло.

На место опергруппа выехала полным составом: кроме майора склад и окрестности осматривали капитан Николай Ефимов, старлей Михаил Жегунов и младший лейтенант Андрей Рудзиев. Дмитрий Варов остался сидеть в машине за баранкой, чтобы наблюдать за дорогой. Жегунов зашел в здание склада, Рудзиев осматривал следы на земле, Ефимов последовал за Бурцевым, вместе с которым свернул за угол.

– Как думаешь, что он тут делал? – спросил майор.

– Курил. Дед точно курящий был, это факт. В его карманах нашли спичечный коробок и пачку папирос.

– Где же окурки, спички, пепел? На земле ничего не валяется.

– Не успел разжечь, только собирался, – прежним уверенным тоном заявил капитан.

– То есть мальчишки ринулись к дверям, едва дед за углом скрылся? И секундочки выждать не стали? – упорствовал Бурцев.

Ефимов оставался непреклонен:

– Так мальчишки же! Откуда им терпения набраться?

– Все равно странно это как-то. Очень странно, Гаврилыч.

Я дедовы следы видел. Такое ощущение, словно старик от трамвайных путей бежал сюда, к этому углу. Из депо, что ли? Но чего он там забыл? Пожалуй, поспрашивать надо.

– Я, конечно, в депо поспрашиваю, – с сомнением в голосе отозвался Ефимов, – но сдается мне, все было именно так, как представляется на первый взгляд. Сторож отошел покурить...

– Зачем вообще отходить от дверей? Зачем курить за углом? Он же сторож склада, а не швейцар в гостинице. Можно курить, не сходя с места, тогда бы не пришлось вновь на двери замок навешивать. А то ведь навесил, запер и пошел курить.

– Что, если в силу привычки? Раньше охранял склад с горючими материалами, вот и усвоил, что курить у дверей нельзя ни в коем случае.

Бурцев неуверенно покачал головой. Объяснение неплохое, ничего не скажешь. Но сила привычки не работает в преклонном возрасте. Ивану Пафнутьевичу перевалило за семьдесят пять, не будет он в его-то годы ноги разминать лишний раз. Допустим, один день, другой уходил подальше от склада, но затем надоело ему это. Железки не вспыхнут, так что нет смысла топать далеко, когда можно без опаски прямо у входа папироской подымить.

Майор поделился сомнениями с Ефимовым.

– Полагаешь, он сюда свернул по малой нужде? – предложил другую версию капитан.

Звучит куда правдоподобнее. Приспичило старому, вот он и свернул за угол. А замок навесил, потому что знал, как надолго затянется отсутствие. Возраст как-никак, наверняка бедолагу воспаление предстательной железы мучило. Да и руки-крюки не слушались. А потом услышал грохот сорванного замка и вернулся.

– А может, наш дедок в туалет до депо ходил? – продолжал сыпать предположениями капитан. – Наверняка тамошний сторож его впускал.

– Похоже на правду, – согласился Бурцев. – С охраной на КПП в депо потолковать надо.

Они вернулись к дверям склада, откуда выходил старший лейтенант. Жегунов сообщил, что в помещении идеальный порядок, насколько это возможно при хранении металлолома. Железки свалены в ровные кучи, между ними аккуратные проходы. Если бы взломщики что-то искали, то перевернули бы эти кучи и засыпали бы проходы ворохом металлических стружек. Судя по царившей внутри чистоте, преступники туда не заходили, то есть сорвали замок и, услышав приближение Нефедова, кинулись прочь.

Разумеется, директор «Стальбазы» проведет ревизию, чтобы выяснить, не пропало ли чего, но никто в опергруппе не рассчитывал на многое. Учет лома наверняка велся кое-

как, для галочки. Это же не товарные ценности, за которые перед судом отвечать придется.

К складу примыкала крохотная пристройка, где стояла лежанка сторожа, а рядом с ней небольшой, грубо сколоченный столик. Здесь царил такой же идеальный порядок, как и на складе. Ничего лишнего, минимум вещей, чистенько, ни мельчайшей соринки, словно в комнатухе Нефедов появлялся раз в год. Лишь неуклюже сваленная у края койки стопка выпусков газеты «Вечерняя Москва» немного нарушала гармонию. Однако трудно винить старичка, охраняющего ржавый лом, за желание почитать, тем более такую-то востребованную газету, можно сказать дефицитную. Бурцев бы тоже не прочь прихватить пару экземпляриков «Вечерней Москвы» – на уличном стенде ее нет, моментально срывают.

Майор удивленно помотал головой, озираясь в каморке Нефедова. Непривычно видеть такую картину, по правде говоря. За годы службы Бурцеву доводилось добрую сотню раз заглядывать в уголок сторожей, и там неизменно царил кавардак: вещи свалены и перекручены, на лежанке комок из одеял, вокруг грязь и мусор, клочки газет шуршат под ногами, стол усыпан крошками и завален объедками. Сторожа почти сплошь люди ленивые и безалаберные, лишнее движение сделать боятся. Вероятно, покойный был человеком иной натуры: опрятный, строгий, дисциплинированный. Такой если в депо и отлучался по нужде, то, надо полагать, вся-

кий раз ненадолго, в связи с чем и успел застукать хулиганов. Увы, вот здесь бы ему меньше рвения приложить – глядишь, жив остался бы...

Впрочем, чистоту и порядок в каморке следует поставить в заслугу не одному лишь Нефедову, но и его сменщику, ночному сторожу Михайлову. Майор пока не выяснил, как зовут Михайлова, сколько ему лет, работает ли он еще где-то, в какие часы заступает на дежурство здесь. Короче говоря, не знал почти ничего. Подробности опергруппе предстояло добыть из беседы с директором «Стальбазы».

Майор собрал и попросил поделиться наблюдениями, но ничего сколько-нибудь значимого парни на месте преступления не увидели.

– Ефимов, ты отсюда направляйся прямиком к директору. Как бишь его?

– Зенкису, – подсказал капитан.

– Вот-вот, езжай к Зенкису. Выясни как можно больше о покойном: с какого года в охране склада, имел ли другие подработки, есть ли нарекания, в какие часы заступал на дежурство, когда сменялся Михайловым, случались ли неприятные происшествия и так далее. Про дисциплину тоже разведай. Дед слишком уж аккуратный. С чего бы вдруг? Может, он такой от природы, а может, строгий выговор получил когда-то. Сейчас нам любой факт пригодится, даже самый ничтожный. Особо обсуди жалобы и обращения старика. Вдруг он жаловался начальству на хулиганов в окрест-

ностях склада или имел другие какие-то претензии? Собери информацию на Михайлова тоже, чтобы мы его отыскали и допросили.

По-хорошему Бурцеву самому бы направиться к директору. Хотя Зенкис всего лишь складом руководит, однако мелкие начальнички в тысячу раз противнее крупных «тузов» будут. Майор много раз наблюдал, как иной директор много-тысячного завода оказывается человеком сравнительно простым в общении, а начальник какого-нибудь ларька – с тем еще с гонором. Прыщ на ровном месте, а корчит из себя пупа земли. Вот почему с директорами лучше всего общаться оперативнику званием повыше. Что ж, будем надеяться, капитан тоже сойдет.

– Теперь ты, друг наш Михаил Степанович, – обратился Олег к старшему лейтенанту. – На тебе охранники трамвайного депо. Выясни, правда ли они пускали Нефедова в туалет. И вообще, случалось ли с ним пересекаться, вести разговоры. Узнай, что им известно о покойном и об этом складе. Если болтали, то как часто и о чем конкретно. Ну, да ты и без меня все знаешь.

Жегунов молча кивнул в знак согласия.

– Рудзиев!.. Ты, Андрюша, поезжай к нам, на Петровку, тридцать восемь, и проверь дела. Знаю, задание у тебя будет самое трудное и ответственное, но не пугайся, я потом тебе в помощь направлю Жегунова с Варовым, когда они освободятся. Во-первых, посмотри, в каких материалах отмечался

ранее наш Нефедов, проходил ли он когда-нибудь свидетелем, потерпевшим или подозреваемым. Во-вторых, выясни, не всплывал ли в каком-то расследовании этот адрес. Быть может, склад ранее засветился в некоем уголовном деле.

Рудзиев замялся, запустив левую пятерню в густые черные кудри:

– Олег Васильевич, а может, кого-нибудь прямо сейчас со мной отпустишь? – попросил он, предвкушая объем предстоящей работы в архиве. – Варова хотя бы? Зачем он тебе нужен?

– Никак нет, Варова нельзя. Он поедет в Управление госавтоинспекции, чтобы узнать о дорожных происшествиях на соседних улицах. Если наше хулиганье утекало отсюда без оглядки, наверняка они где-то перебежали улицу в неположенном месте, и их могли видеть сотрудники ГАИ. Ты не бойся, надолго Димка не задержится, сладкими пирогами его там никто угощать не будет.

– А сам-то ты куда? – поинтересовался Ефимов. – К вдове?

– Угадал. Я поеду к Марфе Петровне, поспрашиваю о муже. Сердце мне подсказывает, что жене он больше сообщал о событиях в течение дня, чем начальнику. Допустим, эти хулиганы появлялись здесь за день-другой до убийства, безобразничали, а сторож их прогнал. Тогда они в отместку задумали сорвать замок с дверей, пока дед отлучится в депо. Может такое быть? Вполне может. Начальнику не станешь

говорить, как мальчишек гонял, а жене обязательно расскажешь. Вот видите, как оно получается!

* * *

Со стороны дороги раздались голоса. Варов тормознул проезжавшую мимо полуторку и принялся расспрашивать водителя, которому вопросы муровца чем-то не понравились. Широкомордый, с квадратной небритой челюстью мужик отвечал раздраженно, злобно сверкая крохотными глазами из-под тяжелых надбровных дуг, почти полностью лишенных бровей.

– Откуда я знаю? Чего лезешь к человеку? Не видишь, работаю я! – огрызался он на все вопросы, которые задавал ему сержант.

Майор презирал таких людей. Задаешь им два вопроса, ответить на которые можно за две минуты, так нет, они хамят в ответ, чем затягивают допрос вместо двух минут на два часа. Бурцев велел ребятам запереть склад и расходиться с поручениями, а сам заспешил на помощь к Варову. Надо осадить наглого шофера, и звание майора способствует этому наилучшим образом.

– Здравия желаю! Уголовный розыск, майор Бурцев! – чеканно представился он, сделав суровое лицо и помахав перед лицом водителя корочками.

Борзый тип несколько умерил пыл, хотя, не желая быстро

сдаваться, продолжал бухтеть:

– А я чего? Я ничего... Остановили меня, понимаешь... А у меня работа горит... Ясно же сказал, что ничего не видел, не знаю...

Настырный попался, никак по-человечески не хочет. Казалось бы, ответь ты на эти дурацкие вопросы да кати на все четыре стороны. Так нет же, сам время тянет и злится при этом, задерживают его, видите ли.

– Отказываемся сотрудничать? Здесь проводится расследование убийства. Почему на вопросы не отвечаете? Можем задержать и доставить в отделение, будете давать показания под запись. Этого хотите?

Водитель округлил глаза и захлопал ртом, не находя слов.

– Вчера проезжали мимо этого склада в районе полудня?

– Не-е, – выдавил тот из себя.

– Другие грузовые машины от вашего предприятия часто ездят этим маршрутом?

– Иванов, Виноградов, Климов, – облизав от волнения губы, перечислил водитель.

– Подумайте хорошенько и скажите, кто-то из них мог проезжать здесь вчера с двенадцати до двух?

– Не знаю...

– Сообщите моему коллеге, как называется ваше предприятие, и предоставьте полные имена Иванова, Виноградова и Климова, если знаете. Заодно сообщите свое имя и адрес проживания. После этого вы свободны, возвращайтесь к ис-

полнению своих обязанностей.

Бурцев резко развернулся и широким шагом двинулся прочь, краем уха слушая, как присмиревший водитель дает показания Варову.

Этого водителя остановили отнюдь не по прихоти, чего он, вероятно, понять так и не смог. Будет теперь в кругу приятелей злобно шипеть по адресу «распоясавшихся ментов». Невдомек пустой голове, что МУР направит на предприятие этого шофера запрос в отдел кадров, получит данные на Иванова, Виноградова и Климова и допросит каждого из них. Вполне вероятно, что кто-то из этих троих проезжал рядом со складом близко ко времени убийства, так что мог видеть юных хулиганов. Неужели трудно было сообщить столь полезную информацию без угроз со стороны майора угрозыска?

...До дома Нефедовых Бурцев дошел пешком за десять минут. Проживали старички в одной из тех самых пятиэтажек, что виднелись позади депо. Скорее всего, при выборе места работы Иван Пафнутьевич не в последнюю очередь обратил внимание на близость к дому. Когда перевалит за семьдесят, отпадает желание тащиться через весь город на автобусе, не говоря уж про метро с его безумной толчеей.

Вызывать Марфу Петровну в отделение не хотелось, да и нужды в том не было. К чему беспокоить старушку, которая и без того разбита горем? Чего доброго, дух испустит прямо в кабинете майора. Уж лучше Богданов зайдет к ней домой,

где она окружена родней и соседями, чтобы побеседовать в спокойной обстановке. Всего-то один главный вопрос надо задать: донимали ли Ивана Пафнутьевича хулиганы? Прочие вопросы – второстепенные, они значимой информации не дадут, лишь дополняют картину.

Из квартиры Нефедовых разило валерьянкой и корвалолом. У порога пол был утоптан подошвами разных форм и размеров. Видно, со вчерашнего вечера здесь побывало множество людей – дети, внуки, врачи. Сейчас в дверях стояла женщина за сорок, с худым, бледным лицом. Скорее всего, дочь.

– На работе отпросилась, отгул взяла, чтобы с мамой посидеть, – торопливо говорила женщина, впуская майора в квартиру. – Ателье один денек без закройщицы управится как-нибудь. Маме сейчас очень нехорошо, вы уж недолго, пожалуйста. Конечно, все мы знали, что час близок, и готовились, но не к такому же! Думали, что папа своим ходом уйдет. Надо же, убийство! Ужас-то какой!..

Голос ее звякнул, глаза повлажнели. Опустив лицо, она сглотнула подступивший к горлу комок, проворно закрыв дверь за майором. Затем жестом предложила снять плащ, повесила его на вешалку у входа. Полезла доставать тапочки, схватила сразу три пары, выронила почти все, нелепо замерев с одним шлепанцем в руках. Ничего не говоря, майор невозмутимо переобулся. Он не заострял внимания на бессмысленной суете подавленной дочери, чтобы не смущать

несчастную женщину. Она немного отдышалась, затолкала тапки обратно в шкафчик и мелкими, частыми шажками за-семенила к закрытой спальней комнате, указывая Бурцеву дорогу.

Марфа Петровна с закрытыми глазами и свекольного цвета лицом лежала на двух подушках. Седые волосы раскиданы, но одета старушка была опрятно – чистенькие, без единого пятнышка, фартук и халат. Да и в целом в квартире уютно, правда, слегка не прибрано, но это, как нетрудно догадаться, последствия наплыва визитеров. Видимо, Иван Пафнутьевич супружницу подбирал под стать себе, такую же аккуратную.

– Мама, к тебе из милиции, – нерешительно проговорила дочь, вцепившись в косяк побелевшими пальцами. Ее голос сел, отчего последнее слово прозвучало шепотом.

Но старушка услышала, открыла глаза и попыталась сесть на кровати.

– Лежите, лежите, прошу вас! – властным тоном настоял майор. – Я присяду рядом. Стула не найдется?

Дочь быстро скрылась на кухне и тут же появилась с табуреткой в руках. Майор представился, но старушка его словно не слышала.

– Ох, стыд-то какой! Милиция пришла, а я лежу... а в квартире беспорядок... – горевала Марфа Петровна. – Слава богу, Машенька со мной осталась, прибирается здесь после врачей, после гостей. Столько людей вчера было, и сегодня

с утра не меньше!

– Не волнуйтесь! Я здесь ненадолго, хочу задать вам несколько вопросов, – пообещал Бурцев. – Скажите, только честно, как вы сейчас себя чувствуете? Отвечать сможете?

– Конечно, конечно! – соврала старушка, чье лицо свидетельствовало совсем об обратном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.